

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Сергей Стопалов

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ АРТИЛЛЕРИСТА

С ГАУБИЦЕЙ ОТ СОЖА ДО ЭЛЬБЫ

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Сергей Стопалов

**Фронтовые будни артиллериста.
С гаубицей от Сожа
до Эльбы. 1941–1945**

«Центрполиграф»

2015

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Стопалов С. Г.

Фронтовые будни артиллериста. С гаубицей от Сожа до Эльбы. 1941–1945 / С. Г. Стопалов — «Центрполиграф», 2015 — (На линии фронта. Правда о войне)

О Великой Отечественной войне написано множество художественных произведений и мемуаров. Обычно они посвящены теме мужества и героизма советских воинов. Однако свидетельств об их повседневной жизни и быте опубликовано все еще недостаточно. Да и ветеранов, сохранивших в памяти события того времени, с каждым годом становится все меньше. В книге ветерана войны С. Г. Стопалова, принимавшего в ней участие с первых дней и до Победы, без политических прикрас и преувеличений показано, как жили и воевали на передовой простые пехотинцы и артиллеристы, рассказано о буднях фронтовиков, работе в тылу и о том, как преодолевали трудности и невзгоды солдаты и офицеры, независимо от их происхождения, национальности и воинского звания. Приведены примеры взаимоотношений наших военнослужащих с немецким населением в послевоенной Германии.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

© Стопалов С. Г., 2015

© Центрполиграф, 2015

Содержание

От автора	6
В канун войны	7
Что было, то было. Родня	7
На Хитровке	11
Школа. Будь готов к труду и обороне	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Стопалов
Фронтовые будни артиллериста. С
гаубицей от Сожа до Эльбы. 1941–1945

© Стопалов С.Г., 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление серии, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

От автора

Я не писатель. Поэтому не ждите от меня описания ярких картин природы, романов, повестей и захватывающих детективов. Хочется рассказать лишь о делах людей, которых я хорошо знал и которым полностью доверял, а также об эпизодах, свидетелем или участником которых во время войны мне довелось быть.

Великая Отечественная война нашла широкое отражение в тысячах художественных произведений. Однако не все еще сказано, если у людей, родившихся после войны, возникают, например, такие вопросы:

- Что делали солдаты, когда не было боевых действий?
- Встречались ли на фронте воры?
- Как кормили солдат?
- Было ли на войне страшно?
- Кричали ли во время атаки «За Родину, за Сталина»?

Эти вопросы не выдуманы. Их действительно задавали и продолжают задавать фронтовикам. В большинстве художественных произведений и кинофильмов ответов на них нет. А иногда авторы просто не хотят говорить правду. На первый план они обычно выдвигают героизм войны, душевные переживания, дружбу и другие высокие моральные качества солдат. И это действительно было главным в те годы. Но нельзя же представить себе войну без колоссального физического труда, без голода, холода и вшей, без малообразованных и грубых командиров, без воров и водки, короче, без всего того, что было на самом деле. И еще нельзя забывать о том, как жили тысячи людей, эвакуированных с Запада, где шла война.

Большинство современников мало знают о не столь отдаленном прошлом страны, скрытом идеологическим покрывалом. Поэтому у меня и возникло желание без прикрас и политических пристрастий честно показать, как жилось в военные годы простым советским людям, не отягощенным солидным наследством и не имеющим «волосатой руки», помогающей делать карьеру.

Надеюсь, что книга будет интересной не только любителям истории, но и молодым людям, моим внукам и правнукам.

В канун войны

Что было, то было. Родня

Я родился в семье революционеров. Дед и бабушка по материнской линии активно участвовали в политической жизни страны и за заслуги перед Октябрьской революцией были удостоены персональных пенсий. Однако так уж вышло, что мое раннее детство совпало с одним из самых трагических периодов XX века, когда к «врагам народа» – шпионам, вредителям и прочим предателям – было отнесено около 10 процентов населения, включая грудных младенцев. А среди интеллигенции, военачальников, крестьян и лиц некоторых национальностей (калмыков, чеченцев, евреев, крымских татар и других) эта цифра была много больше.

Не избежала этой напасти и наша семья. Первым был арестован отец, а потом в Сибирь сослали и мать. Так случилось, что большую часть своей довоенной жизни я прожил с бабушкой, отдававшей все свои силы моему воспитанию.

Вскоре после того, как мы остались одни, нас выселили из квартиры. Помог младший сын бабушки дядя Боря. У него была комната в коммунальной квартире, в которой мы прожили около года, в течение которого он находился у жены. Но все равно жить было трудно, бабушкиной пенсии не хватало, и приходилось на всем экономить.

Напротив нашего дома находился продовольственный магазин, в котором торговали круглыми сырками с изюмом. Наверное, кто-нибудь из стариков еще помнит полукопеечную монету грош. А в те времена такой сырок стоил 2,5 копейки. Но из-за недостатка таких монет продавцы часто не давали сдачи. И бабушка, чтобы не потерять гроша, покупала два сырка, хранить которые без холодильника (а в то время их не было) было рискованно.

Летом бабушкин младший брат, работавший главным инженером на строительстве дороги на озеро Рица, пригласил нас на Кавказ. Его семья занимала в Гаграх целый этаж большого дома, ранее принадлежавшего известному врачу, эмигрировавшему после революции за границу. Позже в этом доме снимали кинофильм «Веселые ребята».

Теплое море с медузами, пальмы, мандариновые сады, цветущие магнолии, горы с крутыми зелеными склонами, а по ночам за верхней дорогой вой шакалов. Все это оставило неизгладимый след в моей памяти. И еще одно – scarlatina. Из того времени я хорошо запомнил добрые глаза толстой врачихи, которая приходила в палату по нескольку раз в день и с грузинским акцентом уговаривала меня, что я хороший мальчик. Помнятся также жиденькая манная каша и чудесный овощной суп на курином бульоне, ежедневно приносимый бабушкой.

По дороге домой в Москву мы на несколько дней заехали в Днепропетровск, где я познакомился с прабабушкой, дедом (бабушкиным мужем), ее старшим сыном дядей Мишей, его женой и дочерью Шурочкой – моей двоюродной сестрой.

О деде Льве Минухине ходили многочисленные байки. Рассказывали, например, что как-то раз ему надо было сесть в переполненный трамвай. В те годы вагоны не имели автоматически закрывающихся дверей и при большом скоплении народа люди висели на ступеньках. Дед схватился за поручни и пытался удержаться на подножке, но трамвай тронулся, и он вынужден был остаться на остановке. А в его руке оказалась палка с золотым набалдашником, и дед до следующей остановки бежал, чтобы вернуть палку ее владельцу. Много разговоров было и о его склонности к собирательству. В семье это вызывало постоянные нарекания, так как коллекции хранились в углах комнаты, под кроватью, везде создавали беспорядок и всем мешали. В то же время дед в любую минуту мог принести баночку, какой угодно формы, костыль, скорородку прошлого века и многие другие вещи, потребность в которых иногда возникала. Но самая интересная семейная легенда касалась известного во всем мире музыканта Иегуди Мену-

хина, которого дед считал своим родственником. Правда, одна буква в фамилии не совпадала, но это объяснялось транскрипцией при переводе. Так ли это, осталось неизвестным.

Судьба этой семьи сложилась печально. Дядя Миша был коммунистом и работал на каком-то заводе. В начале войны при приближении немцев к Днепру его пригласили в райком партии и предложили остаться в оккупированном городе для организации подполья. Он согласился, но вскоре вместе с дедом они были схвачены фашистами и расстреляны. А потом стало известно, что в боях за Крым погибла и его дочка, добровольно ушедшая на фронт.

Вернувшись в Москву, мы с бабушкой несколько месяцев жили у ее старшей сестры на Страстном бульваре, напротив издательства газеты «Известия».

Муж бабушкиной сестры был видным революционером. Он лично знал Ленина, в двадцатых годах учился в Лондоне и практически всю жизнь работал одним из руководителей Госплана СССР. От первого брака у него был сын Сергей – красный командир, друживший с моими родителями. Во время Гражданской войны он попал в плен к Колчаку и был расстрелян. Когда я родился, мне дали имя в память об этом человеке.

После революции зарплата высоких руководителей была ограничена «партмаксимумом», то есть не должна была превышать среднего заработка рабочего. Позже это правило отменили, а партийные и государственные чиновники высокого ранга помимо больших окладов начали получать солидные суммы в конвертах. Однако дядя Семен до конца своей жизни, а умер он в 1936 году, не отказывался от «партмаксимума». По этому поводу его жена жаловалась бабушке: «Мы имеем прекрасную квартиру (две комнаты в большой коммуналке), прикреплены к хорошему магазину (где жены ответственных товарищей отоваривали продуктовые карточки), у нас есть казенная дача (комната площадью 12 квадратных метров с террасой в доме на четыре семьи), но у нас никогда не было денег.

Однажды после ареста одного из своих друзей, дядя Семен пришел домой и как бы про себя тихо сказал:

– Последний из могикан.

Тогда я не понял, о ком он говорил и что имел в виду. Но последним из могикан – смелых и честных людей – конечно же был он.

К маме в ссылку в небольшой городишко Ишим, больше смахивающий на деревню, мы с бабушкой приехали в начале лета. Мама работала там на молочном заводе лаборанткой и снимала комнату в обычном деревянном доме с сараем и большим огородом. Хозяин работал печником и неплохо зарабатывал, а его жена баба Настя занималась домашними делами.

Иногда мама приносила с работы полторалитровую крынку сметаны, которая стоила 15 копеек, а бабушка в целях экономии сама сбивала масло. Зная положение своих жильцов, хозяйка всячески старалась помочь: бесплатно снабжала нас картошкой и овощами, а меня постоянно поила парным молоком.

Однажды вечером хозяин не вернулся домой. Обеспокоенная баба Настя о чем-то поговорила с соседкой, собрала узелок с продуктами и побежала в районное отделение милиции. Видимо, она о чем-то догадывалась.

Три дня бедная женщина с утра до вечера бегала между тюрьмой, милицией и ОГПУ, а вечером, усталая и расстроенная, ни с чем возвращалась домой. Было ясно, что муж арестован, но за что и где он находится, ей не говорили.

На четвертый день во двор вошли трое военных. Дома были только мы с бабушкой. Старший попросил у нас лопату, и все трое пошли в огород. Покопав немного у стены сарая, они перешли метра на два и снова взялись за лопату. Сначала им попалась какая-то гнилушка. Они потрясли ее, но потом отложили и опять начали копать. Потом из ямы вытащили бревнышко. Старший потряс его возле уха, что-то сказал, и все трое пошли во двор. На крыльце они разложили газету и аккуратно начали расщеплять принесенное полено большим ножом. Бревнышко раскололось, и из него высыпался десяток желтеньких бляшек – золотых дореволюционных

червонцев. Затем военные составили протокол и зачем-то попросили бабушку его подписать. Потом попрощались и ушли. А вечером вернулся и сам хозяин.

Из его рассказа мы узнали, что кто-то куда-то написал донос, его арестовали, накормили селедкой и не давали пить. А после того, как он рассказал, где спрятано богатство, золото изъяли и его выпустили.

Все кончилось хорошо: доносчик получил моральное (а может быть, и материальное) вознаграждение, государство пополнило свою казну, хозяин вволю напился холодной колодезной воды, баба Настя успокоилась, а мы радовались за хозяев, которые были просто хорошими людьми.

Ишимская зима для меня оказалась тяжелым испытанием. Я много болел, а мама несколько раз просила начальство, чтобы ее перевели в более теплое место. Наконец такое разрешение было получено, и мы начали готовиться к переезду в Алма-Ату.

Южный город встретил нас ласковым солнцем и почти летним теплом. От болячек у меня не осталось и следа. Поселились мы в небольшом доме на окраине города. Вдоль улицы в арках постоянно текла вода. Других источников водоснабжения не было. Здесь я поступил в первый класс, но заканчивать его пришлось уже в Москве, так как маму снова забрали, и мы с бабушкой вынуждены были покинуть этот славный город.

После возвращения в Москву бабушка, как и раньше, поселилась на Страстном бульваре, а меня пригласила в себе старшая сестра отца, у которой было два сына. О судьбе старшего – Ильи я расскажу позже, а в то время ничего интересного в ней не было. Проживая у тети, я подружился с еще одним моим двоюродным братом Эдиком, сыном средней сестры отца. Мы часто встречались и весело проводили время. Спустя несколько лет бабушка по папиной линии повезла нас на летние каникулы в деревню Мишуково Смоленской области, где жила ее приятельница. Там мы работали в колхозе прицепщиками и на заготовке сена, за что получили почетные грамоты. Но самое интересное произошло потом. В первые месяцы войны я, в составе пехотного полка, на Центральном фронте проходил через ту деревню. Большинство домов было разрушено, а на их месте торчали обгоревшие трубы. Большинство людей ушли в близлежащие леса и жили в землянках. Мне очень хотелось рассказать обо всем увиденном своим братьям, но тогда я не смог этого сделать, а позже рассказывать было некому. Эдик погиб на третьем Украинском фронте, а младший брат окончил войну в прожекторной части, женился, а потом скоропостижно скончался.

В 1934 году у родителей закончились сроки отбывания наказаний, и им разрешили поселиться вблизи Архангельска. Туда же приехали и мы с бабушкой.

Наша семья – теперь уже папа, мама, бабушка и я – почти год прожила на берегу Северной Двины в нескольких километрах от города.

Сначала здесь меня удивил местный говор с поменявшимися места буквами «ц» и «ч». Так, в разговоре жителей нашего поселка можно было услышать, например, такие слова, как «пецка», «единича», «горщича» и т. п. Сначала это звучало странно, но потом я привык.

Еще обращало на себя внимание отсутствие замков. Уходя на работу или по делам, люди не запирали дома, а лишь иногда подпирали дверь колом.

Сын хозяйки работал на траулере и, когда возвращался домой, обычно привозил огромную красную рыбину, солидная часть которой доставалась нам. Попытка мамы заплатить за нее всегда кончалась одним и тем же – хозяйка молча махала рукой и уходила.

Однажды осенью, когда река уже стала, а снега еще не было, вместе с ребятами из школы я отправился на другой берег Северной Двины за клюквой. Возвращаясь назад, мы увидели, что после прохода ледокола нас отделяла от дома полынья шириной не менее двадцати метров. Двое мальчишек ловко прыгнули на проплывавшую мимо льдину и благополучно преодолели препятствие. Я же в нерешительности стоял на месте. Тогда один из старших парней взял меня за руку, и мы вместе прыгнули на следующую льдину. Неуклюже пытаюсь выскочить на проти-

воположную кромку льда, я поскользнулся и очутился в ледяной воде. Парень мгновенно оказался рядом, схватил меня за воротник шубейки и двумя взмахами свободной руки выгреб к ребятам, которые помогли выбраться. Благодарность моих родителей была воспринята парнем и его матерью как оценка самого обычного поступка. Они не только отказались от вознаграждения, но и поделились с нами клюквой, так как моя корзинка уплыла.

И так во всем. Архангельские поморы были честны, доброжелательны и всегда готовы помочь ближнему, даже рискуя собственной жизнью.

В начале следующего лета родителей снова арестовали и отправили на Колыму. Больше мы никогда не виделись. Лишь полвека спустя я получил официальный документ, в котором было сказано, что их дело прекращено за отсутствием состава преступления и они реабилитированы.

На Хитровке

Хитровка (кто не знает и не читал Гиляровского) – район старой Москвы в двадцати минутах ходу от Кремля. Когда-то там была площадь с Г-образным Хитровым рынком, сквериком и общественным подземным туалетом. Потом рынок и сквер снесли, а на их месте построили школу, через несколько лет преобразованную в трамвайный техникум. Оставшаяся за этим зданием небольшая площадка получила громкое имя площадь Максима Горького. Теперь она вместе со смежным проездом называется Хитров переулок. Двухэтажные дома около рынка раньше использовались в качестве ночлежек, а огромный двор представлял собой как бы центр этой самой Хитровки. Здесь жили мои родственники и несколько школьных товарищей. А я прожил на противоположной стороне переулка ровно тридцать лет и два года, почти столь же, сколько прожил старик со своею старухой у самого синего моря.

Жители больших старых городов, наверное, много бы выиграли, существуй наука об адресах. А уж в Москве специалисты-адресологи всегда имели бы кусок хлеба.

Дом номер 8, в котором я жил, представлял собой два двухэтажных кубика примерно одинаковой площади, но разной планировки. В одном из них имелось всего две квартиры: номер 4 на первом этаже и номер 42 на втором. В противоположном доме их было одиннадцать. Квартиры номера 1–3 и места общего пользования находились на первом этаже, а номера 5–12 – на втором. Остальные квартиры (номера 13–41) располагались в двух домах под номерами 4 и 6. Сейчас они называются строениями.

Вот и попробуйте с ходу разобраться в этой домоквартирной путанице, а уж об объяснении ее логики и говорить нечего. Здесь без адресологии никак не обойтись.

Мы с бабушкой проживали в квартире номер 42 и занимали комнатку размером 9,5 квадратных метра, а общее число постоянных жильцов в разные годы составляло от четырнадцати до семнадцати человек.

Из мест общего пользования в квартире имелись кухня, малюсенький туалет и кладовка с лестницей на чердак. На кухне площадью около 12 квадратных метров, включая закуток, где хозяйки стирали белье, располагались большая печь, отапливаемая дровами, и тумбочки каждой семьи. Пищу готовили на примусах и керосинках, отчего кухня была изрядно закопчена и пропахла керосином. Позже вместо печи установили две газовых плиты, и копоти стало меньше, а запах исчез. Однако свободней не стало. По-прежнему, чтобы пройти в туалет, приходилось буквально протискиваться между несколькими хозяйками, постоянно торчавшими на кухне.

Наиболее частыми поводами для квартирных баталий служили выполняемые поочередно расчеты за газ, электроэнергию и общий телефон.

За газ платили по счетчику в зависимости от времени использования конфорок каждой семьей.

Сложнее было с дележом электричества. Для этого следовало обойти все комнаты, записать мощность лампочек и электроприборов и со слов хозяев оценить продолжительность их использования.

Многие годы телефон в Москве считался высокой привилегией. (Современному молодому человеку этого не понять.) Но так было. Перед войной в течение нескольких лет плата за его использование исчислялась по количеству исходящих звонков. Для их учета на стене рядом с аппаратом висел большой лист бумаги, на котором каждый звонивший против своей фамилии отмечал дату звонка. А кое-кто из соседей после звонка выходил из комнаты и как бы невзначай проверял, сделана ли запись. И если ее не было, возникал повод для очередного столкновения. К счастью, позже был установлен единый тариф, общая сумма делилась на число проживающих, и телефонные неприятности прекратились.

Несмотря на тесноту и разнохарактерность, соседи жили относительно дружно, что в московских коммунальках встречалось не так уж часто.

Первым, кто научил меня ругаться по-еврейски, был сосед Шурик Тучинский. Он учился в той же школе, что и я, но был на год старше. Их семья занимала двадцатиметровую комнату и в нашей квартире была самой большой: тихий бухгалтер Марк Исаевич, его шумная жена тетя Циля, старший сын Наум, уже отслуживший в армии, Шурик и маленькая Розочка.

Окна их комнаты выходили на узкий Подколокольный переулок, по которому ходил трамвай. Поэтому дети обычно играли во дворе, который хорошо просматривался из окна нашей комнаты. Иногда тетя Циля с разрешения бабушки приносила свой табурет, взбиралась на него и, высунувшись из форточки, кричала дочке:

– Хозочка! Кашки хочешь?

За несколько лет до войны Тучинские переехали на новое место в большую квартиру, и я иногда бегал их навещать. Решил поведать бывших соседей и после войны. Передо мной сидел глубокий старик с ничего не выражающим потухшим взглядом, непривычно тихая тетя Циля и мило улыбающаяся красивая девушка. На вопрос о ребятах тетя Циля молча протянула две похоронки. Рядовой Александр Тучинский погиб под Вязьмой, а его старший брат – в Польше.

В комнату Тучинских после их отъезда вселился грек Канделаки – мужчина высотой под два метра, косая сажень в плечах. Он изредка приходил ночевать, аккуратно оплачивал коммунальные услуги и не вызывал никаких нареканий. Потом куда-то уехал на год, а вместо него поселился новый сосед, тоже большой и тоже спокойный. До возвращения грека все было хорошо, но когда он вернулся, между мужиками начались скандалы, часто кончающиеся драками в коридоре. Тогда все выбегали и грудью защищали телефон, к которому каждый из дерущихся старался прижать противника. После длительного судебного процесса комнату разделили на две. Вернувшись из армии, я застал в них уже две новых семьи.

Больше всех в нашей квартире мне нравилась семья Новожиловых. Симпатичны были все: милейший инженер Владимир Иванович, его интеллигентная жена Ксения Ивановна, ее мать баба Катя и сынишка Боря. Нельзя сказать, что зять и теща жили дружно, но оба они были изрядно глуховаты и не слышали взаимных упреков и насмешек.

Боре исполнилось шесть лет, когда ему подарили детский бильярд. Несколько дней он с удовольствием гонял блестящий шарик, стараясь попасть в лунки. Потом игра ему надоела, и он... проглотил шарик. Все всполошились. С работы примчалась Ксения Ивановна и с перепуганным сыном побежала в ближайшую поликлинику. Рентген подтвердил диагноз – шарик в животе. Врач успокоил мать и велел ей вести наблюдение. Квартира замерла. На другой день пришла радостная весть: шарик вышел.

А еще через день, Боря тихо сообщил мне, что опять проглотил шарик. Я не сразу оценил положение, а когда понял, рассмеялся и посоветовал мальчику никому об этом не говорить. Боря вырос, стал большим парнем, а судьба шарика на этот раз осталась неизвестной.

Большинство хитрованцев имели прозвища. Это, вероятно, было вызвано необходимостью конспирации воровской братии и сокрытия настоящих имен. В середине тридцатых годов эта привычка в основном исчезла, и прозвища, потеряв начальное значение, превратились в привычку, удобную в дворовом общении. В большинстве случаев они отражали имена и фамилии или внешность человека. Так, Никифорова звали просто Ника, а Ахметова и Краснова – Ахмет и Красный, Косой имел дефект глаз, а Заяц – торчащие уши.

Один уже немолодой мужик имел прозвище Кабан. Настоящее его имя давно забыли, но он удивительно напоминал это животное. Приплюснутый нос и маленькие глазки на круглом лице, почти полное отсутствие шеи, коротенькие руки и ноги, солидный торс без признаков талии и рост не более 160 сантиметров. С Хитровым рынком была связана вся его жизнь. Говорили, что в молодости он был главой местной воровской шайки – грозой торговков. Местная

милиция его хорошо знала и не чуралась использовать в своих целях. Когда же рынок закрыли, Кабан вскоре умер.

Помимо прозвищ, понятных по своему происхождению, некоторых наделяли именами, возникшими неизвестно откуда. Одного парня звали Дюлик. Высокий, с гордо поднятой головой и всегда аккуратно одетый, он держался особняком, но на свое прозвище не обижался. Казалось, оно ему даже нравилось. Дружил он с Косым, которого постоянно таскал на художественные выставки, а Третьяковку и Пушкинский музей знал не хуже собственного двора. Главным развлечением, которому Дюлик отдавал много времени, было рисование. Свои картины он часто выставлял на рынке прямо за воротами дома. Иногда их даже покупали. Это доставляло ему огромное удовольствие, и не столько от выручки, сколько от признания его способностей.

В первые месяцы войны Дюлику не было и шестнадцати лет, но все ночи он проводил на крыше, защищая дом от немецких зажигалок, а когда бомба попала в соседний дом, вместе с пожарными участвовал в его тушении, за что получил благодарность от брандмейстеров. Потом он исчез. Говорили, что он на фронте был разведчиком. Так ли, мы не знали. Но в конце сороковых вернулся совсем другим человеком. От прежнего осталась только походка с высоко поднятой головой. Теперь его почти не видели трезвым. На что он жил и чем занимался, во дворе не знали. Единственный его приятель погиб, а остальные особенно и не интересовались. Через несколько лет один из старожилов нашего двора рассказал, что видел на Рогожском кладбище сравнительно свежую могилу с табличкой, на которой было написано настоящее имя Дюлика – Кузнецов Александр Иванович и даты: 1925–1951.

Моим самым близким дворовым приятелем был сын дворника Ахат. У него были замечательные руки, и он постоянно помогал отцу поливать улицы, убирать снег и выполнять многие другие работы. Как-то раз я ему помог, и мы посадили три дерева. Одно из них растет до сих пор. Вместе с Ахатом мы гоняли голубей, и наша стая была хорошо известна на Хитровке. Парень хорошо учился, был на фронте, окончил институт, а потом неожиданно куда-то исчез, и наше общение прекратилось. Только через много лет я случайно встретил его сестру, которая рассказала, что брат живет в Америке, но как он туда попал и чем занимается, она не знает. Примерно в то же время один из моих тогдашних приятелей как-то, между прочим, сказал, что видел Ахата в военной форме с зелеными погонами Госбезопасности.

Еще во дворе жила девчонка со странным прозвищем Мама Рыжая. Ни мамой, ни рыжей в то время она не была, а ее настоящую мать, молодящуюся блондинку, уважительно звали тетя Катя, так как она работала секретарем в домоуправлении. Во время войны Мама Рыжая училась в каком-то закрытом заведении, потом получила квартиру в другом конце города, исчезла из нашего поля зрения и про нее забыли. Как она прожила лихие сороковые и послевоенные пятидесятые, никто толком не знал. Но кое-что все-таки стало известно.

Однажды, уже после войны, на работе меня попросили съездить в управление цензуры и получить разрешение на публикацию пригласительного билета на юбилей нашего академика. Зайдя в здание, я нашел нужный кабинет, постучал и, не услышав ответа, заглянул в него. За столом сидела полная женщина в очках и разговаривала с посетителем. Я сразу же закрыл дверь и стал ждать. Через некоторое время посетитель вышел, а дама позвала:

– Заяц, заходи.

Я оторопел. Заяц было мое хитрованское прозвище. Давно уехал оттуда, забылось и оно. Глупо улыбаясь, я в упор смотрел на женщину.

– Что, не узнаешь? – спросила она. – А помнишь Хитровку?

И сразу же в памяти всплыл наш двор, и все стало на свои места. Несколько минут мы вспоминали довоенное время и наших ребят. Между прочим, Мама Рыжая упомянула и Ахата, с которым вместе училась, и, как мне показалось, его исчезновение для нее не было неожиданным. Потом цензор мельком взглянула на приглашение, прямо на фотографии акаде-

мика размашистым почерком поставила магическое слово «Разрешаю» и расписалась. Вот так судьба решила напомнить мне о девчонке, которую когда-то во дворе звали Мамой Рыжей.

Жизнь на бабушкину пенсию не была легкой. Я ходил в штанишках и курточке, перешитых из старых вещей, подаренных родственниками. И едой меня не баловали. Ко всему этому я привык. Но вот велосипед мне очень хотелось приобрести. А для этого нужны были деньги.

Как-то зимой один из моих школьных приятелей предложил заработать на уборке снега. После занятий пошли договариваться. В наши обязанности входило сгребание снега с тротуара и с середины улицы и перебрасывание его через высокий забор в садик. За два дня тяжелой работы каждый получил по 30 рублей. Для меня это была огромная сумма – более трети бабушкиной месячной пенсии. Купив немного конфет, остальные деньги я отдал в семейный бюджет. Бабушка радовалась, но почему-то была грустной и даже всплакнула. За зиму я еще несколько раз убирал снег. И хотя работа была тяжелой – болели все мышцы, – получать деньги понравилось, и я начал активно искать новые заработки.

Весной, опять же с этим парнем, мы взялись покрасить крышу пятиэтажного дома. На этот раз управдом нас надул. Не говоря уж об опасности – приходилось привязываться веревкой к трубе, работа оказалась очень трудоемкой. Обычной кистью надо было дважды покрыть краской более 1000 квадратных метров крыши. И когда мы получили свои 100 рублей на двоих, особой радости не было. Обида – вот главное, что мы испытали.

Еще одним заработком была спекуляция, преследуемая в те годы.

Недалеко от школы находился магазин, в котором иногда продавали дефицитные в то время велосипедные шины и камеры. Как только становилось известно, что привезли шины, мальчишки старших классов сбегали с уроков и мчались в магазин. Многие из них имели велосипеды, а некоторые, в том числе и я, покупали шины для перепродажи. Покрышка с камерой стоили 9 рублей, а перепродавали их за пятнадцать-двадцать. Много заработать на этом не получалось, так как давали не более двух комплектов в одни руки. И еще, не зная точно, когда появится товар, надо было всегда иметь в кармане 18 рублей. А иногда это не удавалось.

Однажды на рынке меня поймал милиционер и отвел в отделение. Там составили протокол и отправили его в школу. Разговор с директором был непростым. Пришлось во всем сознаться и рассказать о мечте приобрести велосипед, о бабушкиной пенсии и своих заработках. Директор молча слушал, потом как следует отругал и, получив обещание больше не торговать шинами, ограничился устным выговором.

Обещание не торговать шинами я сдержал. Но это не означало отказа от других подобных заработков. Их главным источником стала спекуляция билетами в кино. Сразу же после школы я ехал в два-три кинотеатра, расположенные в центре, и в кассах предварительной продажи покупал билеты на вечерние сеансы. Вечером же попасть в кино было трудно, и парочки молодых людей с удовольствием брали у меня билеты, переплачивая за них в два, а то и в три раза. Это приносило хотя и небольшой, но стабильный доход. Надо было только не лениться.

Неожиданно возник еще один заработок – ремонт электробытовых приборов, чаще всего утюгов. Я и раньше бесплатно выполнял подобные работы по просьбе соседей. Но однажды в нижней квартире дома вечером погас свет. Перегорели пробки, и нужно было поставить «жучок». Дежурного электрика на месте не оказалось, и я, не думая о деньгах, вызвался помочь. На этот раз мне заплатили и с тех пор начали приглашать для выполнения разных хозяйственных работ, но уже за плату. Я даже официально подменял домового электрика, за что получал небольшую зарплату в домоуправлении.

Все эти заработки пополняли семейный бюджет и в конце концов позволили приобрести велосипед. Купить его в те годы было трудно, и машину пришлось собирать из запасных частей. Это дало не только некоторую экономию, но, самое главное, обеспечило высокое качество, так как я работал аккуратно и выбирал детали, заведомо хорошо зарекомендовавшие себя в

эксплуатации. На таком велосипеде вместе со старшими ребятами я совершил в 1940 году путешествие от Симферополя до Керчи.

Школа. Будь готов к труду и обороне

Красное кирпичное здание школы, в которой я учился до войны, размещалось недалеко от Хитровки на Ивановской горке почти рядом с исторической библиотекой. В огромном проходном дворе, окруженном двух-и трехэтажными домами, кроме школы громоздилась лютеранская кирха с остроконечной крышей и высоким шпилем над входом. По праздникам сюда приезжали какие-то богатые люди, и двор заполняли конные экипажи и автомобили. А мальчишки и нищие выстраивались в ряд и просили милостыню. Ребятам интересовали не деньги, а те иностранные монетки, которые некоторым удавалось получить от сердобольных лютеранок. Потом кирху перестроили в кинотеатр «Арктика». Но вскоре из-за плохой акустики его закрыли, а после реконструкции превратили в студию «Мультфильм».

А школа? После войны здание выросло на два этажа. Теперь это было закрытое учреждение, обнесенное высоким забором и охраняемое часовыми. Что там сейчас – неизвестно. Но ту старую школу жалко. В ее огромных залах, вокруг которых размещались классы, жизнь была ключом, а на третьем этаже с особенно высоким потолком и большими арочными окнами иногда устанавливали сцену, и школьный драмкружок под руководством учительницы русского языка Елены Антоновны ставил свои спектакли. Один из них, в котором я был суфлером, помнится до сих пор.

Сидя под старинным креслом, обычно стоявшим в учительской, я подсказывал «актрисе», игравшей старую помещицу. А она тонким девчоночьим голосом, как бы проснувшись, кричала своим служанкам:

– Машка, Агашка, Стешка, Наташка, чешите пятки!

На сцену выбегал пионерчик в красном галстуке и, держа указательный палец у виска и удивленно поглядывая в зал, говорил:

– Должно быть, винтик не в порядке!

И все смеялись.

По-настоящему, что такое рисование, пятиклашки узнали, когда в школе появился учитель рисования Борис Николаевич – мужчина средних лет, с рыжеватой волнистой шевелюрой. Классическим приемам рисования он не учил. На его уроках в угол класса дежурные ставили учительский стол, накрытый его газетой, затем водружали стул, на который учитель сажал кого-нибудь из учеников. Требование к «натурщику» всегда было одно – отсутствие валенок. (В те годы зимой большинство московских ребят ходило в валенках.) Затем учитель давал несколько указаний, на что следует обратить внимание, садился на свободное место за партой и начинал читать вслух. Так ученики познакомились с классикой: «Метелью» Пушкина, «Тупейным художником» Лескова, «Кондуитом и Швамбранией» Кассиля, «Тилем Уленшпигелем» Де Костера и другими. Иногда вместо чтения Борис Николаевич рассказывал разные истории из своей жизни. И это тоже было интересно.

Минут за десять до звонка он проходил по рядам и несколькими штрихами своего мягкого карандаша поправлял детские рисунки, доводя их до некоторого сходства с оригиналом. Ребята всегда ждали его уроков.

Однажды Борис Николаевич не пришел на занятия. Все были огорчены и уже было собрались съездить к нему домой и узнать, в чем дело, но классный руководитель их остановил. Больше школьники никогда не видели любимого учителя рисования. Шел 1937 год.

Когда у нас появился новый классный руководитель – учитель немецкого языка Макс Ефимович, мы не обрадовались. До него эту должность занимала милейшая Матрена Станиславовна, не считавшая свой предмет важным и никому не ставившая плохих отметок. Только много позже стало ясно, что те два-три урока немецкого языка в неделю оченьгодились некоторым нашим мальчишкам, которые после войны еще находились в Германии.

Но главное, чем запомнился Макс Ефимович, – это его любовь к искусству и желание привить ее своим ученикам. Он водил нас в музеи, на выставки и в театры. Как ему удавалось доставать дефицитные билеты на ходовые спектакли, никто не знал. А перед очередным походом в Художественный театр кто-то даже принес веселый стишок:

Удаче твоей подивится весь свет —
На «Анну Каренину» купишь билет.

Большинство моих товарищей плохо представляли себе, что такое опера, и с неохотой шли «слушать песенки». Но Макс Ефимович уговорил ребят. Он рассказал о сюжете спектакля, о том времени, о композиторе и исполнителях ролей. И мы пошли. В филиале Большого театра шла опера «Мадам Баттерфляй». Пение великолепной примадонны Барсовой поразило всех. После спектакля мальчишки возненавидели англичанина, а девчонки утирали слезы. Следующего посещения оперы уже все ждали. И не зря. Это была «Аида». До сих пор невозможно забыть хор жрецов, судивших Радамеса и его заключительную арию. Кстати, спустя много лет, мне довелось услышать фрагменты этой оперы в исполнении украинского театра. Особое впечатление произвела последняя сцена, когда на, казалось бы, риторический вопрос заточенного в пещеру Радамеса: «...где ты, Аида?», из темноты на свет выходит молодая чернокожая девушка и поет: «Я идешь сховалась». Украинская мова вызывала улыбку.

Наш седьмой класс среди сверстников отличался вполне приличной успеваемостью и особой активностью. В классе, например, долгое время еженедельно выходила стенгазета на развернутом тетрадном листе, содержащая две-три заметки и несколько рисунков. Название газеты каждый раз менялось. Выдумывала его редколлегия и держала в секрете до вывешивания газеты. Именно этого больше всего ждали читатели. Если вначале названия вызывали лишь улыбку – «Плюшка», «Колотушка» и т. п., то постепенно они становились все острее – «Ежик», «Колючка», «Жнейка-лобогрейка», а кончилось это литературное творчество стенгазетой «Ублюдок», в которой была опубликована вполне безобидная заметка об уроке истории. Сочетание этой заметки с названием газеты вызвало бурю негодования у исторички. Она наябедничала директору, и судьба газеты была решена.

Вообще, Татьяна Арсентьевна не была лишена некоторых странностей. Любя историю, она твердо придерживалась своих педагогических методов. В течение урока она рассказывала очередную тему, а в последние несколько минут поручала некоторым ученикам к следующему занятию подготовить соответствующие доклады. При этом неукоснительно требовалось, чтобы докладчик точно называл даты, имена действующих лиц и географические названия. Ошибки неизбежно карались снижением отметки. На суть события обращалось гораздо меньше внимания. Именно этим великолепно воспользовался мой товарищ Колька Щербаков.

Тема его сообщения была посвящена восстанию французских крестьян в 1358 году, названному Жакерией в честь наиболее распространенного в простонародье имени Жак. Колька все продумал. Он точно назвал имя главаря восстания и тут же добавил, что свое детство он провел на берегу большой реки в доме деда. Жил без родителей, много читал. Часто видел, как крестьяне-артельщики на веревках тащили по реке тяжелые баржи. Дальше довольно подробно было рассказано о жизни... Алексея Пешкова, изложенной в его повести «Детство». Разумеется, даты и места событий были указаны в соответствии с данными о Жакерии. И самое интересное, что Татьяна Арсентьевна положительно восприняла эту галиматью. Поставив отметку «отлично», она все же спросила, откуда Щербаков взял этот материал. И Колька, не моргнув глазом, ответил, что прочитал в журнале «Вокруг света» за 1903 год. Такой журнал у него действительно был (он даже давал его почитать мне), но в нем ни слова не было о Жакерии, а читал я приключенческий роман «Корсар Триплекс», публиковавшийся с продолжениями почти целый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.